

Секция «История России с древнейших времен до начала XX века»

Понятие "наша братия": к проблеме социального самосознания служилых людей в России во второй половине XVII в.

Накишова Марина Тазабаевна

Студент (бакалавр)

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина,

Екатеринбург, Россия

E-mail: m-nakishova@mail.ru

Изучая общество раннего Нового времени, мы привыкли рассматривать крупные абстрактные структуры, связанные между собой или волей власти, или неким коллективным сознанием. Но было ли это в действительности так? Ведь у человека всегда существовал «выбор сразу между несколькими "шестками" и то, какой именно он займет на сей раз, зависело и от него самого, и от его окружения, и от стечения обстоятельств» [4, С. 182]. Пытаясь найти ответ на столь важный вопрос, обратим свое внимание на термин «наша братия», часто встречающийся в челобитных служилых людей, и, должно быть, представляющий исключительную важность для них самих.

Согласно словарю русского языка XI-XVII вв. «братом» мог называться не только родственник, находящийся в одинаковой степени родства по отношению к общему предку, но и любой человек, равный в каком-либо отношении (того же социального положения, рода занятий и т.д.). А «братия» обладала двумя важными характеристиками: близостью и равенством, правда довольно условными [3, С. 318].

В делопроизводственных материалах «наша братия» выполняет важную маркирующую функцию. Это некая формула, подразумевающая или содержащая определенную идентификацию. В таком смысле она приобретает несколько значений. Во-первых, это часть братии, противоположная той, куда себя относит челобитчик. Например, в 1661 г. нового Землянского города черкасский атаман Оска Докшеев да черкасский сотник Левка Перевенка сообщали о своей братии, что «которые наша братия, черкасы, в новых городех черкас ссаживали и перезывали, и тем садчиком твое жалованья давана» [1, С. 435]. Кроме того, «нашей братией» могли называться такие же, социально равные люди. Именно равенство подчеркивал донковский жилецкий человек Гришка Устинов сын Сомов, жалующься царю на то, что «меня, увечного, моя братья у розбору в драгуны написали заочно» [1, С. 442]. Также выражение «перед своею братьею» использовалось в значении «в отличие от кого-то». Так, гостиной сотни полярной избы голова Коземир Позошевников просил дать ему жалование, аргументируя тем, что «перед прошлыми, своею братью, головами учинил тебе великому государю большие сметы» [2, Л. 37]. А «против своей братии» могло принимать любой названный выше смысл.

Для определения самих маркеров идентификации, используемых в формуле «наша братия», необходимо проанализировать вступительную часть челобитных, в которой проситель в первый раз так или иначе именуется. В результате, выделяются несколько маркеров: географическая привязка, социальная группа, должность, экономическое состояние, биографические данные, этническая принадлежность, указание на полк, указание на род, только имя челобитчика. Так, в удивительном по своему многообразию идентификаций извете «богомольцев твоих Невеля города попов и дьяконов и холопей твоих, Невельской шляхты, и козаков, и стрельцов, четыреста человек, пятидесятников и десятников и всех рядовых стрельцов и пушкарей и воротников и разсылщиков, 40 человек, и невлян посацких людишек, 120 человек, и твоих Невельских дворцовых сел и всяких чинов людишек, старостишки и целовальничиски и все крестьянишек» [1, С. 530] обнаруживаем упоминания социальных групп, должностей, этнической принадлежности и

географической привязки. Эти же маркеры в различных вариациях используются и как пояснение к термину «наша братия».

Стоит сказать, что чаще всего самоидентификация просителя соответствовала идентификации «нашей братии». Но находятся случаи, когда вначале использовался один маркер, а потом - другой. К примеру, Аптекарского приказа лекарь Ортюшка Назарьев писал: «нашей братье, иноземцом, всем твоя милость, жалованье и корм им дают; а отцу моему и матери и племянником моим корму нет» [1, С. 480]. Ему, конечно, было выгодно, в первую очередь, подчеркнуть свою должность, принадлежность к государевой службе, а уже потом сравнить состояние своей семьи с равными ему иноземцами.

Особо интересны случаи, связанные с передвижениями по социальной лестнице. Так, в 1661 г. Сергушка Марков, сообщая, что «в прошлом 169 г. пожаловал ты меня за мое службишко и за кровь и за рану, велел отпустить в Галич; а ныне мне велено быть к Москве для твоей службы», просил «быть в Галиче против моей братьи, по скольку лет преж сего бывали воеводы» [1, С. 469]. В этом же году Васька Солохов из житья был пожалован в дьяки на Денежный Английский двор, а «твоим жалованьем, поместным окладом, против своей братьи не верстан» [1, С. 295].

Как мы видим, в начале челобитной сообщается только имя просителя, а формула «против моей братии» не содержит маркера идентификации. Поэтому возникает масса трудностей с определением той социальной группы, к которой себя челобитчик причисляет: старое положение или новая должность. И если Марков, назначенный на воеводство в Галиче, довольно четко отделяет «свою братию» от воевод, то Солохов не дает нам ясного ответа.

Таким образом, понятие «наша братия» представляет собой универсальную формулу, используемую для самоидентификации. Эта формула неизменно должна была обладать двумя важными характеристиками: близостью и равенством, так как «братия» всегда виделась чем-то равным и социально близким, выражавшим идеальные, корпоративные представления об устройстве общества. Вместе с тем, упоминание «братии» всегда сопровождалось неким противопоставлением одной ее части, просящей в челобитной, другой, отмеченной государевой милостью. А сама просьба была нацелена на установление справедливости, равенства внутри братии, «чтобы перед своею братьею в позоре не быть».

Идентификация же, заключенная в данной формуле, могла выражаться с помощью различных маркеров, сменяющих друг друга в зависимости от ситуации и сущности прошения. Именно благодаря наличию «нашей братии» удается установить не только то, как человек сам себя идентифицировал, но и то, к какой группе он себя причислял и с какими людьми себя сравнивал.

Источники и литература

- 1) Акты Московского государства. Т. 3.: Разрядный приказ. Московский стол. 1660-1664 / под. ред. Д.Я. Самоквасова. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1901. 674 с. URL: <http://www.runivers.ru/lib/book3031/> (дата обращения: 28.02.2015).
- 2) РГАДА. Ф. 214: Сибирский приказ. Оп. 3. Д. 246
- 3) Словарь русского языка XI-XVII вв. Выпуск 1 (А-Б) / глав. ред. С.Г. Бархударов. М.: Наука, 1975. 371 с.
- 4) Уваров П. Ю. Социальные именованья парижан в эпоху Старого порядка // Социальная идентичность средневекового человека / отв. ред. А.А. Сванидзе, П.Ю. Уваров. М.: Наука, 2007. С. 180-192.

Слова благодарности

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-01873 «Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.».